Куприн Александр Иванович
13-19.11.97.

Русская мысль - Париж - 1997 - 13-19 ноябр. - с. 12-13.

Александр Куприн

«Разметанные листы»

Окончание. Начало в "РМ" №4195.

Вандализм

Напечатано в газете
"Русское время" (Париж, 7.08.1925)

"Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий".

Козьма Прутков

Если во время войны при бомбардировке городов разрушаются памятники городской архитектуры и искусства вообще, то с таким явлением приходится примириться ввиду его неизбежности и неумения человечества разрешать свои споры другими, менее варварскими способами.

Когда немцы без всякой надобности сожгли в г.Лувене несколько прекрасных исторических зданий готической архитектуры или летали над Парижем со специальной целью разрушить собор Парижской Богоматери, сбрасывая с аэропланов бомбы, это тоже можно объяснить чувством мести и злобы.

Но когда я узнал из газет, что теперь, спустя семь лет после мировой войны, поляки разрушают в Варшаве прекрасное архитектурное произведение — православный собор, а в Эстонии намереваются из бронзовой статуи Петра I начеканить себе пятачков, я невольно задал себе вопрос: "Где мы живем — в Европе или в Патагонии? Двадцатый век теперь или иной, доисторический?"

В Варшаве христианский народ варварски уничтожает христианский же храм, имевший высокую художественную ценность. Он построен всемирно известным профессором архитектуры Л.Бенуа, равного которому нет ни одного зодчего в нынешней Польше.

Этот храм-памятник даже видом своим никоим образом не мог действовать на национальное чувство поляков, так как собор был построен в византийском (а не русском) стиле и своими формами напоминал католический собор св. Марка в Венеции. Почему нельзя было совершать в этом прекрасном здании службы по католическому обряду? Кому нужна теперь голая площадь, ничего замечательного из себя не представляющая, где стояло это высокое художественное произведение огромной исторической материальной ценности? Тратятся невероятные усилия и огромные деньги на то, чтобы превратить в кучу мусора труд многих талантливых художников.

Неужели в Варшаве наивно думают, что, уничтожив собор, уничтожают вместе с ним и неприятные воспоминания о русской власти. Бывшего не может изменить Сам Бог. История останется навсегда историей, и каждый Герострат будет поставлен на должное ему место.

Боязнь неодушевленных предметов наблюдается только у людей или психически ненормальных, или стоящих на низших ступенях развития, и потому совершенно непонятно решение образованной части польского народа — уничтожить собор. Я уверен, что народ в целом никакого участия в этом вандализме не принимал и был лишен возможности высказаться по этому поводу. Вот "святые отцы", я думаю, подлили маслица для уничтожения "ереси".

Если проследить историю Европы, то можно заметить, что наиболее <развитые?> из культурных народов являются и наиболее терпимыми к памятникам своего бывшего порабощения другими народами, если такие памятники имеют художественную ценность.

Всем известен жестокий герцог д'Альба, заливший кровью Нидерланды и Бельгию постоянными казнями во время владычества испанцев, а между тем памятники жестокому герцогу можно видеть и сегодня во многих городах северо-западной Европы. В Финляндии статуи Александра II на тех же местах, где они стояли задолго до мировой войны.

Относительно статуи Петра I, бывшей прежде на площади Свободы в Ревеле, я прочитал в ревельских "Последних новостях" такую заметку:

"Установка памятника Петра Великого в Екатеринентале, у домика Петра, потребует от государства чрезвычайно больших расходов, ввиду чего признано более целесообразным использовать металлический материал для чеканки монет. Городской управой уже был открыт кредит в размере 180 тыс. мар. для установки памятника, но теперь выяснилось, что осуществление проекта потребует значительно больших расходов. Статую осмотрели и представители арсенала для выяснения вопроса о возможности использования ее для изготовления военных припасов".

Вполне понятно, что памятник Петру I, быть может, и не на месте стоял на площади Свободы в Ревеле, но в моем мозгу не укладывается мысль о необходимости уничтожения художественно исполненной статуи (изображает ли она Петра, Чингисхана или кого иного) с нелепой идеей начеканить из бронзы кучу пятаков или каких-то других предметов. Еще непонятнее указанная в газетной заметке экспертиза представителей арсенала там, где должны быть приглашены скульпторы и художники. Неужели статуя так испорчена при неаккуратной ночной работе, когда ее стаскивали с пьедестала, что она представляет из себя лишь бронзовый лом.

Тогда вполне понятно, что ассигнованных 180 000 марок на постановку статуи не хватило бы. Не будь этого, простой скромный пьедестал обошелся бы всего в 100 000 марок.

В настоящее время статуя Петра I распилена на несколько частей для чеканки из нее мелких денег.

Удивляет крайность: то ассигнуя 180 000 марок, вдруг решают уничтожить и начеканить денег — вероятно, для покрытия дефицита в бюджете.

Как все "великое" просто, так идут: не только надо расходоваться, но, наоборот, из статуи можно извлечь пользу. Никто ведь не догадался, что под руками целые золотые россыпи. Калифорния! Клондайк!

Плохи, должно быть, финансовые перспективы Ревеля, если таким путем приходится добывать средства.

Использовав Петра I, можно будет потом приняться за медные крыши ревельских церквей. Да мало ли вообще медных предметов в городе, если поискать хорошенько.

Между прочим, я должен разочаровать золотоискателей: сплав бронзы статуи не пригоден без переделки для чеканки монет ввиду того, что бронза очень тонка, денег выйдет мало. Придется еще что-нибудь сломать или испортить, чтобы вышло побольше.

Еще было лучше повременить с уничтожением художественных произведений. Может быть, можно было поставить статую во дворе какого-нибудь музея?

Сам Петр I сказал: "Поспешность хороша лишь при ловле блох".

О шовинизме

Напечатано в газете
"Русское время"
(Париж, 13.08.1925).

В шовинизме, в этом обостренном и вынесенном на улицу патриотизме, нет, в сущности, ничего особенно дурного, все зависит от ощущения предела, дальше которого нельзя идти, от чувства меры, без которого так легко впасть незаметно для себя в смешное и невыгодное или даже опасное положение.

Часто шовинизм бывает понятен и извиняем, если, например, его мотивами служат: или историческая необходимость, или упоение недавней, тяжело давшейся победой, или, наоборот, общее негодование, общая горечь, общая скорбь, вызванная катастрофическим поражением. Такой механизм всегда совпадает с чувством и мыслями народной массы. Но тот же народ иногда остается равнодушным, бездеятельным и скучающим зрителем, если перед ним искусственно бряцают шпорами и зовут на смерть и кровопролития, исключительно для славы родного оружия. Вспомним и сравним: жалкие, пискливые манифестации русского народа при объявлении японской войны, и чудесный, стремительный подъем патриотизма в 1914 году при появлении манифеста.

Смешон был квасной, ернический шовинизм московского и славянофильского средопупия. Помните ли старые лубочные рассказы о громогласных протодьяконах, об ужасных силачах, об обжорах, лихачах, скандалистах и кутежах, шулерах и банщиках? Умильно плакали добрые люди над этими рассказами: "Есть ли в мире что подобное нашей матушке Рассее!"

Смешон был и воинственный шовинизм: "Шапками закидаем!", "Нашему солдатику все нипочем: и голод, и холод, и картонные подметки".

Для российского солдата
Пули, бомбы ничего.
С ними он запанибрата.
Все безделки для него.

"Нашему солдату три дня не давай есть, так он врага с кожей и костями съест и назад не воротит".

Все это — самонадеянный вздор, грубый балаган, легкомысленное вранье, однако за этой похвальбишкой пряталось большое зло. Русский солдат, правда, всегда отличался, кроме многих своих прекрасных качеств, еще и изумительной выносливостью, и несравненной стойкостью. Но наши отечественные полководцы очень часто, вместо того, чтобы разумно пользоваться этими драгоценными свойствами, были склонны ими злоупотреблять. Особенно в последнюю войну, где порою доблесть полагалась в упорном и бесцельном бросании огромных масс в лобовые повторные атаки. При этом совсем забывалось, что солдат есть все-таки существо, любящее свою жизнь и страдающее от боли... "Они у меня орлы, все переносят и умирают с радостью..."

Пророчески зловещ был напыщенный, напруженный, крикливый шовинизм Германии (вернее Пруссии). "Отними у врага все и оставь ему лишь глаза, чтобы плакать". "Дейчланд юбер аллес". Особенный немецкий бог, открытый кайзером, замечательное изречение Гинденбурга: "Все соборы мира не стоят капли крови одного моего солдата".

Этот бешеный шовинизм, эта яростная надменность и поставили наконец Германию одну против почти всего мира.

Есть, к счастью, шовинизм прекрасный и именно тем сильней, что его руководители улавливают струю общую с безмолвной волей всего народа, угадывают невысказанное, может быть, даже неосознанное желание и согласие миллионных масс. Таков был шовинизм Деруледа, Клемансо, Пуанкаре. Такими шовинистами были у нас Скобелев и Черняев, этот один из крупнейших государственных умов России, к сожалению, не понятый современниками и временно забытый. Шовинистом был и тот царь <Александр III>, который, спокойно опираясь в течение тринадцати лет на сказочную мощь страны, отводил властной рукой каждую предательскую руку, хотевшую поднести зажженный фитиль к тому пороховому погребу, который представляла собой Европа.

* * *

Я вполне понимаю шовинизм государств новообразованных или восстановивших свое прерванное историческое бытие. Тут есть нечто вроде бурной преувеличенной радости, испытываемой первородящей матерью, — такой радости, от которой иногда молоко бросается матери в голову, но вредно для младенца, мне не стыдно и не обидно. Гордое самоупоение, скажем... Белоруссии. Пусть она забыла в своем симпатичном тщеславии тот факт, что вызвана она к существованию всего лишь политико-полицейскими соображениями великих держав. Пусть профессор Довнар-Запольский сочинил для нее ее собственную великую, древнюю историю с королями Лукомудом и Жигопером. Пусть высоко развевается над ее старыми рыцарскими замками (Смоленской губернии) старый национальный флаг, серо-буро-малиновый в крапинку с осьмью желтыми единорогами и вазой с ручкой. Словом, "пусть у гробового входа младая будет жизнь играть..." и т.д.

Но дальше уж и стыдно, и противно, и смешно.

Зачем стаскивать статую Петра Великого с пьедестала и переливать ее на мелкую монету? Зачем взрывать русскую часовню и заколачивать русский храм? Зачем объявлять обязательным язык, не имеющий грамматики? А главное, зачем говорить, что прежняя "тиранническая" Россия была дика и невежественна и зачем предавать ее проклятиям за все, ею сделанное для края? Вот уж не хорошо: освятили новый дом и сейчас же его обгадили. И все это ведь на народе. А народ смотрит, слушает, молчит и уже давно покряхтывает: "Под русской рукой куда лучше жилось"..."

А.И.Куприн. Шарж Нанука.

Мои герои — правда

Напечатано в газете
"Русское время"
(Париж, 14.07.1926)

"Мой герой — правда".

Л.Толстой

Я совсем не понимаю непреклонно-гордых и белоснежно-чистых эмигрантов, которые огульно хулят все, что живет, зреет и дышит по ту сторону... называйте, как хотите... рубежа, рва, карантина... в советской России.

Во-первых, нет никакой советской России, а есть та же самая русская Россия, подпавшая Божьим попустительством и напором дьявола под власть слепых, глупых, безграмотных и бессовестных теоретиков, а также мстительной, жадной и злой сволочи, а также вице-мастеров, выжимающих золото из грязи и крови.

Во-вторых, не назовете же вы покойником человека, у которого оспа обметала лицо. Вы сами знаете, что болезнь пройдет и больной встанет с постели здоровее прежнего. Вспомните-ка всех рябых, конопатых, которых вы встречали в вашей жизни: какой все они крепкий, упорный в работе, серьезный, мужественный народ! Недаром мужик твердо верил, что с натуральною оспой выходят из человека дурные соки.

Вот так-то принято у нас хаять почем зря тамошнюю художественную литературу. Правда, мне смешны истерические восторги, расточаемые молодым советским писателям в салонах, где футуризм и большевизианство считается последним криком хорошего тона. Правда, мне противны расчетливые критики слева, которые своими неумеренными комплиментами — иногда вздорным, трескучим и наглым бездарностям — страхуют себя на случай перемены декораций (ах, как бы не опоздать!). Но по совести и чести я должен признать, что из 8914 пишущих и печатающихся там беллетристов (о 40 000 поэтов я не говорю — не моя специальность) можно насчитать несколько десятков писателей, одаренных и умом, и талантом, и жаром сердца. А самое хорошее в них то, что украдкой от хлыста и надзора они в младые годы все-таки почитывали прозу Пушкина, и Достоевского, и Гоголя, и Тургенева, и Чехова, и Л.Толстого; того великого, обильного Толстого, к которому как нельзя лучше применимы слова чеховского монаха — импровизатора акафистов из рассказа "Святою ночью".

"Радуйся, древо светлоплодовитое, от него же питаются вернии, радуйся, древо благосеннолиственное, им же покрываются мнози".

Я не говорю о подражании. Гению так же нельзя подражать, как невозможно его и пародировать. Но нет ни одного из больших писателей, кому не открыли дыхания, слуха, зрения и обоняния великие предшественники.

Это как помазание святым мирром при крещении, чтобы крещаемый шел верными стопами к правде. В этой близости к чудесной русской литературе, в этой совсем невольной преемственности и заключается сила, воля и власть русского художественного слова, как здесь, так там.

Я знаю, что от моих слов прыснут врозь многие из здешних и из тамошних. Но разве литература не есть самый заметный маяк нации, по которому можно судить о ее жизни, жизнеспособности, скажем даже — бессмертии. Вывод гораздо более выгодный для нас, антибольшевиков, чем для большевиков и их прихвостней.

Да, я с большим интересом читаю Пильняка, Пант. Романова, Леонова, Федина, Никитина, Зощенко, Вс. Иванова и др. Бабеля я открыл сам для себя еще до войны. Многие из них меня захватывают, и трогают, и обольщают, и веселят, и тревожат.

Да. Я отлично вижу их минусы. Первый из них — неизбежное жертвоприношение красной цензуре. Мы хорошо знаем и помним жесточайшие примеры цензурных строгостей при разных самодержавных режимах. Но мир еще ни разу не удостоился создать такого тираннейшего из тиранов, который, не довольствуясь запрещением писать о том-то и том-то, требовал и апологии своему величию. Красные вожди *этого* требуют и *это* ставят первым условием появления книги на свет.

И нужно сказать, что лишь человеку абсолютно безграмотному не кидаются в глаза ложь, фальшь, горький пот проклятого усилия, неестественная фистула подобострастия в вынужденных жертвенных страницах.

Но внимательный здешний читатель, умеющий видеть самую жизнь за печатными строками, познает о подсоветском бытии с его скукой, глупостью и ужасом, с затаенной всеобщей ненавистью к скоморошному правительству гораздо больше, чем он мог бы почерпнуть из советских газет и осторожных сообщений приезжающих. Видите ли: русский одаренный писатель не может лгать. А если лжет под хлыстом, то выходит у него не мелодия, а ряд диссонансов, откровенно режущих уши. И на это уже жалуются красные цензоры, умеющие оттяпывать своими ножницами головы, но бессильные перед художественной мыслью.

Публикация
АНАТОЛИЯ ИВАНОВА

Москва

219